

П.В. Засодимский-Вологдин

Хроника села Смурина
Из жизни русского крестьянина

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
3-36

3-36 **Засодимский-Вологдин П.В.**
Хроника села Смурина: Из жизни русского крестьянина / П.В. Засодимский-Вологдин – М.: Книга по Требованию, 2013. –
139 с.

ISBN 978-5-517-98895-9

ISBN 978-5-517-98895-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

манеромъ брать кошечку сдачи. Убогому и странному изъ окна его дома всегда подавали, „ради Христа“, ломтикъ хлѣба или грошъ. Въ храмовой праздникъ—въ Ильинъ день—Прокудовъ угощалъ духовенство и гостей на славу. Духовенство, сельскія и городскія власти крѣпко пожимали ему руку и водили съ нимъ хлѣбъ-соль, а мѣряне ломали передъ нимъ шапки.

Сегодня — суббота, капустъ Николаина дня. Сегодня Прокудовъ много пораспродаль желѣза, выгодно закупилъ гвоздей и шпилей, свелъ лавочные счета и въ итогъ прихода вышла очень почтенная цифра. На одномъ обвѣсѣ и обмѣрѣ рубликовъ 12 слишкомъ перспало... Вотъ отчего въ этотъ тихій майскій вечеръ Прокудовъ сидитъ въ своей свѣтелкѣ, спокойный и довольный, и съ чувствомъ попиваетъ чаекъ.

— Ухъ, важно... Не хопь-ли? Цей!—обратился онъ къ жепѣ, опрокидывая чашку и проводя рукой по лбу, по бородѣ и распуская поясъ.

— Поштуй лучше питерячку-то!—рѣзко промолвила та и едва не оборвала тонкой шерстяной нити.

— Ну! Ты хопь?—спросилъ онъ дѣвуху.

— Благодарствуйте!—послышался изъ угла глухой, дрожащій голосъ.

— Чего „благодарствуйте“! Ты губы-то не дуй, добро... слышь?—огрызнулся Григорій Ивановичъ.—Нечего глаза-то тереть! Поругали только... Вѣдь тебя, тонь, пальцемъ не тронули...

— То-то вотъ и худо!—перебила пряха, не отрываясь отъ работы.—Поругать-то мало... Всѣ вы баловники, потатчики!

Пряха метнула на дѣвуху такой сердитый взглядъ, что, словно, хотѣла имъ сжечь ее.

— Притянуть бы ее къ столу-то за косы,—благо вишь длинны,—да арапникомъ... Вотъ тѣ и охвицеры! Всею бы дурь вышибло... Ой, да я бы!...—закончила пряха, стискивая зубы и со злостью стуча по скамьѣ веретеномъ.

Дѣвуха уже не плакала; глаза ея были сухи, губы сжалась, румянецъ спадалъ съ лица. Вся поза ея выражала отчаяніе и испугъ...

Исторія Евгешниной жизни не долга. Восми лѣтъ она осталась сиротой безъ отца—безъ матери и жила у Прокудова, приходившагося ей дядей по отцу. Три года тому назадъ, когда Евгешня едва минуло 17 лѣтъ, Прокудовы послали ее въ Питеръ изъ боязни, какъ говорили на де-

ревнѣ, чтобы красивая дѣвка не отбивала жениховъ у ихъ рябой и золотушной Груни. Въ Питерѣ нашлись знакомые, пообщались, поставили Евгешню „на мѣсто“. И вотъ, въ одно холодное и сырое октябрьское утро, съ узелкомъ подъ мышкой, Евгешня ушла „на машину“, а на другой день вечеромъ укатила въ Питеръ. Но недавно въ семьѣ Прокудовыхъ произошло убийство: Григорій Ивановича сподобилъ Богъ выдать свою Груню за смуринскаго богача, Антона Кудряшева, и въ домѣ, такимъ образомъ, не стало работницы. А изъ Питера той порой стали, будто бы, доходить до Прокудовыхъ дурныя вѣсти объ Евгешѣ. По слухамъ выходило, что дѣвка живетъ не „на мѣстѣ“, а въ любовницахъ у какого-то офицера и ходитъ въ бархатъ и въ шелку. Правду-ли, ложь-ли говорили слухи; жила-ли Евгешня въ любовницахъ, или нѣтъ, до того Прокудовымъ не было дѣла. Имъ нужна была работница и, слѣдовательно, Евгешу надо было заручить восвоея. Дядя уже дважды отписывалъ ей, чтобы она побывала домой: но дѣвушка не слушалась, ссылаясь на хорошее мѣсто, на то, что ее господа „любятъ и жалуютъ“, что барыня ее грамотѣ научила и проч. Дядя отписалъ построже, но Евгешня выслала ему при письмѣ лишь 3 рубля денегъ, а о себѣ ни гугу. Наконецъ Прокудовъ, по наущенію своей Матрены Дмитриевны, рѣшился прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, попросивъ въ волостномъ правленіи не высылать дѣвкѣ паспорта, а паспортныя деньги призадержать и вручить ему. Евгешня вынуждена была возвратиться въ деревню и явилась туда наканунѣ того дня, какъ начинается нашъ рассказъ. Хотя Евгеша ни шелковъ, ни бархатовъ, ни денегъ изъ Питера съ собою не принесла, кромѣ книжки да нѣсколькихъ платьевъ: хотя ничего предосудительнаго замѣчено въ ней не было, но Матрена Дмитриевна, все-таки, предлагала маленько проучить дѣвку для того, по ея словамъ, чтобы той „легше было опосля питерскихъ порядковъ за работу стать“. Но Прокудовъ, вообще не долболюбиващій въ своемъ домѣ ни шуму, ни гаму и никакихъ скаandalовъ, на проучку не согласился.

II.

Кошка и мышья.

Въ ту минуту, какъ пряха вымѣщала свою злобу на веретенѣ, дверь отворилась, и въ комнату съ поклонкомъ всту-

пилъ мужикъ въ истрепаномъ азямѣ и безъ шапки.

— Чай да сахаръ!—проговорилъ онъ, неуклюже пожимая руку, лѣниво протянутую ему хозяиномъ, и косясь исподлобья на бабъ.

— Садись!—сказалъ хозяинъ, указывая гостю на лавку у противоположнаго конца стола.—Что скажешь?

— Да что...—протянулъ тотъ, усаживаясь и запахиваясь азямомъ.

— Чаю не хощь ли?—предложилъ хозяинъ.

— Благодарю покорно! Отчего же... Можно.

Гость ухмыльнулся и осмотрѣлся по сторонамъ. На видъ онъ былъ невзраченъ. Сухіе, сполщенные, свѣтлорусые волосы и немного потемнѣе всклокоченная борода отбѣняли его худошавое, загорѣлое лицо; сѣрые глаза его выглядѣли робко, недоувѣрчиво, а голова сидѣла на плечахъ съ такимъ жалкимъ видомъ, словно бы обладатель ея ежеминутно ожидалъ получить затрещину. Изъ-подъ изодраннаго коричневаго азяма видѣны были воротъ грязной рубахи; грубые, холстинные штаны висѣли снизу клочьями и далеко не доходили до босыхъ, до крови наколотыхъ, ногъ.

— Къ намъ, Евгешинька, пожаловали? Знать, соскучились въ Питеръ-то?—промолвилъ гость, посмотрѣвъ искоса на дѣвушку.

Та прошептала что-то въ отвѣтъ, а на губахъ прихл мелькнула кривая усмѣшечка. Хозяинъ, межъ тѣмъ, нацѣдилъ изъ самовара въ чайникъ воды, ополоснулъ и воду съ чайниками вылилъ въ чашку, затѣмъ чашку придвинулъ къ гостю и положилъ передъ нимъ кусочекъ сахара. Все это дѣлалось съ самымъ добродѣтельнымъ видомъ и съ чувствомъ полнѣйшаго самодовольства, словно Прокудовъ, дѣйствительно, оказывалъ гостю великое благодѣяніе и ласку, нацѣживая ему теплой водицы.

— Пей!—угощаль хозяинъ.

— Благодарю покорно! — отозвался гость, придвигаясь къ столу.—А я, Григорій Иванычъ, къ твоей милости... насчетъ сѣмянъ-то... Ужъ, удружи!

— Это овса-то? Гм! Овса-то у меня у самого развѣ только на посѣвъ хватить...—со вздохомъ проговорилъ хозяинъ.—Лонись овседемъ-то, самъ знаешь, Богъ пообидилъ...

— Такъ-то такъ,—согласился гость нехотя, видно предчувствуя, что кулаку пришла охота поломаться.—Да вѣдь мнѣ, Гри-

горій Иванычъ, немного и надо. Не о возахъ рѣчь...

— Ишо бы о возахъ!—вставилъ хозяинъ.

— Самую малость не хватило,—продолжалъ гость, какъ бы не дослышавъ словъ хозяина.—Осминку дашь—и ладно! Выручи, заставь Бога молить!..

— Экой вы—народецъ чудной! Выручи! Легко сказать!—завздыхалъ хозяинъ.— Радъ бы я радостью весь міръ выручить, да выручка-то во-о!—И Прокудовъ выразительно постукалъ себя по затылку кулакомъ.—Выручать-то понече не того, не съ руки. Выручи вашего брата, а вы же потомъ на насъ жалитесь... Вонъ братецъ-то твой единоутробный что поговариваетъ, слыхаль, поди? Живодеры мы и такіе-сякіе, и въ аду-то про насъ, почитай, мѣстовъ не хватитъ! Гм! Народъ-то понече сталъ неблагодаренъ; потому избаловался, Бога забылъ, отцовъ не почитаетъ...

— А я, Григорій Иванычъ... Вотъ-тѣ Христось, хощь съ мѣста не встать...—заговорилъ гость, какъ-то вдругъ неестественно оживляясь;—опричь добраго слова, николи о тебѣ не скажу, потому не за что! Да безъ тебя мы всѣ пропадемъ, какъ червь! Потому у тебя и совѣтъ, и разумъ... и помощь ежели... все!

— Я, Василій, очень хорошо это чувствую!—снисходительно замѣтилъ Григорій Ивановичъ.—Коли бы всѣ ваши деревенскіе такъ-то вотъ, какъ ты, ну тогда извѣстное дѣло... А теперича что? Хоть бы братецъ твой, примѣромъ сказать! Какъ ужъ онъ ни коститъ меня на всѣхъ перекресткахъ! Срамота! А мнѣ-то развѣ это не обидно? Ты какъ своимъ умомъ-то смекашь? Тоже, вонъ, племянникъ родной... Выкормилъ, выпоилъ, отъ моей земли и таперь кормится, въ моей хаткѣ живетъ, а глядитъ на меня волкомъ, ровно съѣсть хочеть. А братецъ твой любезный! Ну! Ужъ точно, что воронъ, воронье горлышко! Закаркаетъ, такъ святыхъ вонъ неси... Кассу теперича заводитъ почаль. Ну, и заводи, коли охота! А для чего этакъ-то говорить, что будто эфтой самой кассой богачамъ крылья обломать можно? Дѣло онъ говоритъ это, а?

— А-ахъ, Григорій Иванычъ, ей Богу-ну, право!—промычалъ гость, покачивая головой и строя кислую гримасу.—Ты мнѣ вотъ все братомъ тычешь, а я ей-Богу ничего, какъ есть... потому наше дѣло—сторона.

— Ну и что жъ, и заводи!—продолжалъ кулакъ.—А до насъ ему все-таки

не дохватить стать,—такъ полагать надо. Свою-то шкуру лучше бы поберегалъ: ишо того гляди самому крылья сперво-на-перво оборвутъ. Вотъ что!

Съ минуту помолчали.

— Вотъ опять выборы,—началъ хозяинъ.—Прямое дѣло—посадить Семена Васильева! Мужикъ зажиточный, грамотѣ ученъ, и въ городѣ знакомство есть, съ мировымъ и со всякимъ поговорить. Одно слово—человѣкъ! А твой братъ ужъ вѣрно противъ него... Аггущка нашъ тоже... Хошь и не говорить, а по глазамъ вижу! А ужъ другого такого волостного намъ не найти, хошь весь околотокъ выверни!

— А ты, Василій, какъ насчетъ эфтого?—наливая гостю еще чашку ополосковъ, спросилъ, немного погодя, хозяинъ, какъ бы мимоходомъ, но глазки его пристально глянули на азямъ.

— Это что? Насчетъ выборовъ-то?—нерѣшительно протянулъ гость.—Да какъ тебѣ... противъ міра, знамо, не пойдешь.

— Да ужъ твой братецъ мути-не мути, а міръ хочеть Семена Васильева,—вотъ тѣ и весь сказъ!—настойчиво замѣтилъ Прокудовъ.—Онъ, можетъ, и тебя подбилъ? Что жъ, не малой робенокъ, самъ смыслишь!

— Нѣту, Григорій Иванычъ! Это ужъ ты напрасно!—отпѣкивался гость.—Потому—изба моя съ краю, ничего не знаю. Да мы что? Въ насъ-то, гляди, не больно и нуждаются!

— Жука-то ты мнѣ не подпушай! Прибутки-то про себя похрани, про случай... съ бабамъ ихъ разводи!—строго заговорилъ хозяинъ, хмуря свои рыжія брови.—Вѣдь и ты неень промежъ колодъ.

Опять помолчали.

— Ну, такъ какъ?—спросилъ Прокудовъ.—Вѣдь за языкъ тебя не тянутъ, а такъ къ слову пришлось... Говори, за бога хошь...

— Да, надо быть, за Семена Васильева... Мужикъ-то точно, что...—согласился Василій.

— Двоишь, братъ! Вижу, что двоишь...—позѣвывая и съ легкимъ вздохомъ перебилъ хозяинъ.—Богу, али чорту? Одному кому ни на есть... Обѣмъ за разъ не угодишь...

Прокудовъ ехидно усмѣхнулся и отворотился къ окну.

— Провалиться то-есть—во-о!—И гость закрестился и заискалъ глазами образа.

— Гм!—промычалъ кулакъ, съ самодовольствомъ поглаживая бородку, и свисока посмотрѣлъ на приниженную фигуру мужаика.

— Такъ овсеца-то, Григорій Иванычъ, можно заподучить?—полутономъ ниже заговорилъ тотъ, допивъ послѣднюю чашку, опрокидывая ее на блюдце вверхъ дномъ и кладя на нее огрызочекъ сахару.

— Кассу-то нѣшто и взѣболъ завтра открывають?—спросилъ хозяинъ, видимо отдаваясь потоку увлекавшихъ его думъ.

— Завтра послѣ обѣдни... Хотятъ молебень пѣть.

— Гм! А братъ что? Хорохорится, небось?

— Въ правленье его хотятъ поставить, а барышня попчительницей у нихъ будетъ.

Григорій Ивановичъ промолчалъ; толстые пальцы его забили по столу какой-то непутевый маршъ.

— Овсеца-то, Григорій Иванычъ...—началъ опять Василій.

— Да ну тебя! Осмина-то набѣжить, можетъ!—проворчалъ кулакъ.—Только слышь: уговоръ лучше денегъ. Къ Покрову—съ четверикомъ, да день косьбы.

— Помилуй! Четверичокъ-то уволь!—взмолился крестьянинъ.

— А-ахъ, Василій, Василій! Уважить тебя хочу, отъ себя отрываю. Чувствуй! Да чего тутъ! Хошь бери, хошь нѣтъ! У самого послѣдня зерна на исходъ.

Василій сосредоточенно почесалъ въ затылкѣ.

— Ну, такъ вотъ и пропишемъ!—замѣтилъ Прокудовъ, стаскивая съ полки изъ-подъ божницы свою толстую записную книгу въ красномъ переплетѣ и кладя ее передъ собой на столъ.

Затѣмъ онъ раскрылъ ее и, мусляя пальцы, принялся осторожно ее перелистывать, при чемъ оказалось, что книга была достаточно уже закапана чернилами и испещрена цифрами и разными непонятными знаками собственнаго произведенія Григорія Ивановича. Отыскавъ чистую страницу, Прокудовъ оиать полѣзъ на полочку за чернильницей и за перомъ.

— Коего ляда тутъ прописывать-то? И на словѣ бы можно...—замѣтилъ Василій, по безграмотству недолголюбиваишій письменныхъ документовъ.

— Люблю я, братецъ, все по формѣ что-бы...—возразилъ кулакъ и, свѣсивъ немного на бокъ голову, пыхтя и краснѣя, принялся немилосердно скрипѣть по бумагѣ гусинымъ перомъ.

Онъ то отклонялся отъ бумаги, то чуть не клевалъ въ нее носомъ, морщился и шурилъ то однимъ, то другой глазъ. Не безъ усилій, съ охами и вздохами, усло-

віе, наконецъ, было дописано, и внизу его Василій по безграмотству поставилъ 3 креста, при чемъ брызнулъ чернилами себѣ въ лицо. Должникъ и не предчувствовалъ, что по письменному условію онъ обязанъ косить два дня, а не день, какъ было выговорено на словахъ...

— Гаперича отмѣришь, что-ль? Мѣшкин-то я прихватилъ...—спросилъ Василій.

— Правду-то сказать, поусталь я...— со вздохомъ промолвилъ кулакъ, обтирая перо и бережно укладывая на подочку свои письменныя принадлежности.— Дѣц-то, вѣдь, сегодня, знаешь, такой... Гвоздь принимать да желѣзо отпущать вапимтъ. Пудовъ до 100 переѣрили, тоже не легкое дѣло! Года-то не молодые, — вотъ спину-то и ломить. Охо-хо, грѣхъ, грѣхъ! Да ужъ пойдемъ. Работниковъ-то, вишь, разослать. Все за получкой. Собирать-то съ васъ тошнотонько! Не глядѣль бы!

Григорій Ивановичъ, кряхтя, поднялся со стула, потянулся, почесался, сходилъ куда-то за ключемъ и, въ сопровожденіи Василья, отправился въ амбаръ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ за домомъ. Амбаръ былъ важный, большой, съ тесовой кровлей, съ огромными вѣсами и съ обломкомъ чугунной доски подъ „галдареей“. Василій, не входя въ амбаръ, черезъ дверь замѣтилъ, что въ сусѣкахъ много ржи и овса, и великаго жита. Когда хозяинъ насыпалъ послѣднюю мѣрку, мѣрка оказалась неполною на четверть.

— Добавь ишо совочникъ!—попросилъ мужикъ.

— Довольно!—строго отрѣзалъ Григорій Ивановичъ, со стукомъ захлопывая за собой дверь.

Ищелкнувъ большой, заржавѣлый ключъ и дважды тяжело повернувшись въ замкѣ. „О, Господи! Хлѣба-то, хлѣба-то экое мѣсто!“ подумалъ Василій и тихо привадохнулъ.

III.

Б р а т а н ы.

Пока Василій Брижковъ съ Григоріемъ Ивановичемъ занимался деревенскими дѣлами, пока онъ умасливалъ кулака, а кулакъ ломался, пока писали условіе и мѣрили овесъ, послѣдній солнечный лучъ засталъ за темные дѣса, руминая вечерняя заря уже догорала надъ Смуринимъ, и въ синей вышинѣ мерцали звѣзды. Коровъ давно уже пригнали, мальчишки уѣхали въ ночное, и деревенская улица цвѣтѣла, когда Василій, согнувшись подъ

тяжестью мѣшка, тащился домой. Дворовъ за пять до края деревни, онъ свернулъ въ сторону, подошелъ къ избушкѣ и опустилъ мѣшокъ на земь у завалины. Изба, какъ и самъ хозяинъ, была неприглядна на видъ. Отъ старости она ужъ покривилась и однимъ бокомъ ушла въ землю. Потемнѣлая соломенная кровля слѣзла на сторону, понахлобучилась. Жерди подпирали крылечный навѣсъ. Два подельно-ватныя оконца, будто щурясь, невесело глядѣли на улицу. По всему было видно, что избушка давно уже стояла на бѣломъ свѣтѣ, много видовъ видала, и не одно поколѣніе жалко ютилось подъ ея дыривой стрехой въ зимнія мятеляцы и стужу, въ лѣтній зной и въ непогоду.

— Принесъ? Ну, тащи... чего на показъ-то выложить!—раздался рѣзкій бабий голосъ, и лохматая голова, повязанная построй трыпицей, высунулась изъ окошка.

Василій обошелъ крылечко, втащилъ мѣшокъ на взѣздъ, и, приперши ворота, согнувшись, вошелъ въ избу. Внутри изба была такъ же неказиста, какъ съ улицы, хотя ради праздника она только что была вымыта, что можно было ощущать по гнилому запаху и сырости. Тѣ же черныя стѣны, тотъ же щедравый полъ, закоптѣлая печь, темный образъ въ переднемъ углу, и повсюду тараканы. Какъ единственное украшеніе, висѣла на стѣнѣ картинка, напачканная красками, съ изображеніемъ медвѣдя и козы и съ подписью:

„Медведь съ казю забавлялись и другъ
ва друга удивлялись;
Увидя медведь Казю въ сарафанѣ, а Ко-
зынька мише моргнула глазами
И съ этого разу они подружались, музыкъ
и пляскѣ вмѣстѣ научились“.

Той порой, какъ мулъ разболочался, Агафья поставила на столъ крупянку и вынула изъ поставца солонку, ложки, ножъ и хлѣба горбуху, завернутую въ грязное полотенце.

— Чего запропаль-то?—обратилась она къ Василью.

— Чаемъ угощаль!—отвѣчалъ тотъ, присосѣживаясь къ чашкѣ.

— На-кось, кантуеть ишо!—замѣтила жена, покрестилась и сѣла за ужинъ.

Кромѣ двухъ большихъ рукъ, къ чашкѣ протягивалась еще маленькая, худенькая рученка, изъ-за стола еще видѣлось маленькое, грязное личико, позавѣшенное прядями свѣтлыхъ, льняныхъ волосиковъ. Это маленькое существо поминутно фыр-кало и утирало рукавомъ носъ. Это Анютка, единственная Васильева дочь.

Были у нея еще два брата и сестрица, да давным-давно лежали они на погостѣ. Сама Агафья была бабенка худая, мозглявая, на деревнѣ се звали „дохлой“. Ея сухіе, темные волосы всегда выбивались изъ-подъ платка, носъ былъ всегда въ сажѣ, а глаза бойко и съ недовольствомъ смотрѣли на божій свѣтъ. Синяя пестрядиная юбка да драная рубаха прикрывали ея кости и кожу.

Старая бабушка, мать Васильева, крихтѣла и ворочалась на печи, все что-то ворча себѣ подъ носъ: она только что поругалась съ Агафьей и отказалась отъ ужина.

Когда хозяйка убирала со стола, а Анютка уже залѣзала на палати, на улицѣ слышались звуки гармоники и чей-то могучій, сильный голосъ громко напѣвалъ:

«На Пречистенкѣ, направо,
Есть большой прекрасный домъ;
Тамъ живетъ народу много»...

— Ниль гордо-то!—съ недовольствомъ проворчала Агафья.

Звуки все приближались къ Васильевой хаткѣ и вдругъ чья-то фигура мелькнула за окномъ и затѣнила его. Василій отодвинулъ раму и выглянулъ: у окна, прислонившись къ стѣнѣ, стоялъ мужикъ, съ гармоникой подъ мышкой, и, снявъ шапку, расчесывалъ пятерней свои темные, густые и мокрые волосы. По одежѣ видно было, что человекъ этотъ не шипствовалъ, жить безъ нужды; на немъ были сѣрый кафтанъ, бѣлая ситцевая рубаха, синіе пестрядиные штаны и сапоги съ красными сафьянными отворотами. Онъ казался лѣтъ 40,—немного моложе Василья,—средняго роста, широкоплечій, мускулистый и съ чрезвычайно смуглымъ лицомъ. „Воронъ, какъ вороны!“—говорили про него на деревнѣ. „Ни въ отца, ни въ мать!“—толковали родные. Черты лица у него были крупныя, неправильныя, тонорныя; довольно большой носъ, толстыя губы. Но хорошъ былъ смѣлый и открытый взглядъ его большихъ, темнокарихъ глазъ, и вообще лицо его было выразительно и не лишено нѣкоторой грубой, своеобразной красоты, могущей ярко блеснуть при случаѣ.

— Ты что?—спросилъ его Василій.

— Да ничего!—Отъ Лисина изъ бани иду... А ты вѣсѣрь мѣшокъ-то отъ Гришки тащилъ?—спросилъ тотъ въ свою очередь.

— Отъ нею!—отвѣтствовалъ Василій.

— Та-а-акъ! — Съ походцемъ отвѣсилъ?—опять спросилъ, съ уемѣшкой, стоявшій подъ окномъ.

— Съ походцемъ!—передразнилъ Василій.—Не досыпалъ нешо малость... Четверкъ, да день косьбы за осмину-то!

Тихій смѣхъ послышался за окномъ. Василью при этомъ ровно недовко стало, онъ заворочался.

— Сусла, Митрей, не хошь-ли?—продолжалъ онъ.—Ниво-то нонече удалось...

— Нѣтъ, братъ! Не сусло я къ тебѣ нить пришелъ, а по дѣлу завернулъ!

— Кого тамъ нешо дѣшаго надавало!—проворчала за перегородкой Агафья.

— Скажи ты мнѣ хошь теперь-то толкомъ: запишешься въ кассу-то, или нѣтъ?—спросилъ Дмитрій.

— Нѣшто таперича записываться?—почесываясь, замѣтилъ Василій.

— Завтра... Завтра сборъ... 40 человекъ ужъ записалось! Тебя-то бы мнѣ охота...

— Кабы нешо бѣды какой не нажить съ этой кассой!—молвила Агафья, вытирая мочалкой посуду и показываясь изъ-за перегородки.—Что только, ей-Богу, право, народъ не выдумаетъ! Кассу, вишь... Еще мало поборовъ-то сходить...

— Ну, сватья! Это ужъ ты пустое блескочешь!—отозвался голосъ съ улицы.—Касса-то сама помогать будетъ, а не токмо что зорить... Коли крестьянину занадобится деньги, онъ и въ кассу...

— Такъ вотъ сейчасъ ему, гляди, и отвалитъ!—перебила Агафья.

— И отвалитъ! — подтвердилъ Дмитрій.—Да за рубль ассигнаціей въ рабочую пору дни отбивать не заставитъ!

— Экой рай-то у насъ тогда будетъ! И помирать не надоть...—уемѣхнулась баба, вдругъ переходя въ рѣзкій тонъ.— Ты ужъ, Митрій, не совмущай, вотъ что! Ты ужъ оставь его! Мы ужъ и безъ эфтой... Ну ее!.. жили доселева.

Во все время этого отрывочнаго разговора, лицо Дмитрія осталось серьезно; видно было, что человекъ сильно сосредоточился на чемъ-то. Онъ потрогивалъ свою гармонику и разсѣянно поглядывалъ то на Василья, то на Агафью, то на толстую рябину, росшую при дорогѣ; но можно было догадаться, что не о Васильѣ, не объ Агафѣ и не о рябинѣ думалъ онъ. Дмитрій словно бы смотрѣлъ выше ихъ, черезъ ихъ головы, и выше древесной вершины, на что-то такое, что другимъ не было видимо...

— Такъ какъ же, братъ?—началъ онъ.—По бабьему разумѣнью поидешь, али за умъхватишься?

Василій, молча, заерзалъ по лавкѣ.

— Да разварзайся ты съ этимъ Грисккой!—продолжалъ Дмитрій.—Ужъ онъ

тебя до добра не доведеть... Пошуми мое слово...

— А-ахъ, право-ну! Я ужъ и не знаю, что это нонече пошло у насъ все такое... А-а-ахъ!—заговорилъ Василій, плако поникая головой.—Вонъ Григорій-то Иванычъ что про тебя говоритъ... Не досигнуть, говорить, имъ до насъ, какъ до неба...

— Ну, и ходи къ нему, надрывайся заместо баръ на него. Погоди! Разорять они васъ, съ коробушкой по міру цуетятъ, разорять во-о-какъ, до тла!—И Дмитрій отшатнулся отъ оконца и пошелъ прочь.

И опять на тихой деревенской улицѣ зазвучала гармоника, и удалявшійся голосъ напѣвалъ:

«Дорогая, размилал, гдѣ ты, свѣтликъ мой,
живешь?
Гдѣ ты, краля, гдѣ ты, пава, гдѣ ты, па-
вушка моя?»

А Василію съ женой, по уходѣ Дмитрія, нѣсколько мгновений сидѣли, молча, не шевелясь: страшныя слова „разорять, разорять до тла“, какъ будто все еще витали подъ бревенчатымъ сводомъ закоптѣлаго потолка ихъ хатки и зловѣще звучали у нихъ въ ухахъ.

— Вотъ верченая голова! Фу ты!—возопила, наконецъ, Агафья, всплескивая руками.—Вотъ озорной!

— Ну его!—задумчиво отозвался Василій:—съ мужиками уже завтра потолковать ишо.

— И ни-ни!—возразила жена, укладываваясь спать.—Не слушай ты шального этого... Языкъ-то покороче держи, здоровѣе будеть! Прокудовъ-то, говоришь, сердчаетъ?

— Шибко сердчаетъ! Какъ что, сейчасъ и за Митюху...

— Ну, вотъ! Ну, съ такими-ли намъ тягаться, супротивъ-ли ихъ ядти? Загрызутъ!—подхватила Агафья.—Нѣтъ, ты ужъ помалкивай лучше... У твою брата-то не семья,—ему что! Онъ ровно переть. Хорошо ему блажить-то!

— Это что и говорить!—согласился мужъ.

Тутъ оконце задвинулось, и въ Васильевой хаткѣ все затихло.

Дмитрій Кряжевъ той порой тихо шелъ со своей смолкнувшей гармоникой по опустѣлой улицѣ на другой конецъ села. Спокоесп, твердъ и ровень былъ шагъ его. И по этому твердому, тяжелому шагу можно было бы заключить, что Дмитрій смѣлъ и рѣшительнень, настойчивъ, что, словомъ, это такая натура, какую нашъ народъ окрестилъ словомъ „кремень“. Да

и дѣйствительно, Дмитрій Кряжевъ былъ „кремень“, и изъ него высѣкались искры и зажигали эти искры трутъ и тряпицы, валявшіеся кругомъ ного въ образѣ людей темныхъ и трусливыхъ...

Теперь, идя домой, Дмитрій думалъ о братѣ Васильѣ и крѣпко тужилъ, что тотъ слушаетъ глупую бабу, попусту трусить и запродаетъ ни за грошъ свою душевню Гришкѣ Прокудову.

Вопреки поговоркѣ, что „отъ одной яблоньки разныхъ яблочковъ не бываетъ“, сходства между братьями не было никакого ни въ характерѣ, ни въ наружности, ни въ житейскомъ положеніи. Василій былъ жалокъ по вѣшности, жалокъ и въ душѣ и за все-про все бултыхался въ ноги смуринскому міру. Дмитрій жѣ держалъ голову высоко, смотрѣлъ прямо, въ упоръ, и духомъ былъ гордъ и самостоятеленъ, насколько, разумѣется, могъ быть самостоятеленъ и бодръ человекъ, выросшій на смуринскихъ хлѣбахъ съ подмѣсю песку и отрубей, а иной разъ моху и коры древесной,—взросшій подъ сѣрымъ смуринскимъ небомъ, среди ровной безграничной глади смуринскихъ полей и луговъ, подъ шумъ тощихъ березъ. Василій все уповалъ на добрыхъ людей: Дмитрій вѣрилъ въ свои собственныя силы, въ свой умъ-разумъ. Василій затерялся въ толпѣ, міръ считалъ его мужикомъ не мудрымъ, но тихимъ и смиреннымъ: умри онъ,—никто бы, пожалуй, и не заиримѣтилъ. Дмитрій же былъ у всей волости на виду; однимъ онъ сталъ поперекъ горла, глаза мозолилъ, другіе не могли надвинуться ему; одни его звали „шалымъ“ и „каторажнымъ“, другіе величали „соколикомъ“ и „молодцомъ“. Умри Дмитрій Кряжевъ,—и всѣ бы почувствовали, что пустое мѣсто осталось. У Василья не было ни друзей, ни недруговъ. У Дмитрія много было и тѣхъ и другіхъ. Василій былъ бѣденъ, весь въ недоимкахъ и о всякую пору готовъ былъ повалиться въ ноги и слезно просить прощенья и милости. Дмитрій на свой бобылій пай зарабатывалъ достаточно и самъ былъ всегда готовъ помочь и защитить. Одинъ—хилый, тощій, съ семейной обузой на плечахъ; другой—здоровый, крѣпкій и вольный, какъ вѣтеръ въ полѣ. Одинъ—не могъ пной разъ и двухъ словъ связать путнымъ манеромъ, а другой—говорилъ бойко и красно.

— Наше дѣло малое!—робко, чуть не шепоткомъ, бормочетъ, бывало, Василій, когда старики спрашиваютъ его мнѣніе. И по его слезящимся глазамъ, и по всей

его сгорбленной, приниженной фигурѣ явственно видно, что, дѣйствительно, его дѣло „малое“, что онъ „своего, путнаго“ ничего не скажетъ и во вѣки вѣковъ.

— А вотъ мы посмотримъ, да разеудимъ этимъ дѣломъ! — съ твердою увѣренностью и спокойно говоритъ Дмитрій.

И видно, что на все посмотритъ, все разеудитъ и выложитъ, какъ на ладони.

Братья родились отъ одного отца и матери, росли вмѣстѣ подъ одной и той же дырявой стрехой, въ одной и той же грязи барахтались, у одной и той же рябинки игрывали. Одни и тѣже воспоминаія сохранились у нихъ. Они оба, напримѣръ, очень хорошо помнятъ, какъ разъ одинъ зажиточный мужикъ, „благодѣтель“, ворвался къ нимъ въ пѣбу и требовалъ, чтобъ ихъ отецъ, по уговору, шелъ отбывать за него мостовую повинность. Тятка ихъ въ ту пору былъ боленъ и лежалъ на палатяхъ. „Благодѣтель“ кричалъ, ругался п, наконецъ, ухвативъ больного за воротъ, сдернулъ съ палатей и потащилъ по полу вонъ изъ избы. Больной зналъ только охаль, стоналъ да просилъ, чтобы отпустили душеньку на покаяніе. Хилый, тшедущій Васька въ ту пору натерпѣлся великаго страха и съ того разу сталъ бояться своихъ деревенскихъ богачей. Та же самая исторія на Митюку подѣйствовала иначе. Бойкій и здоровый мальчуганъ, онъ и въ то время занялся за тятку и ругалъ „благодѣтеля“ чортомъ. Такъ въ одной, значитъ, печи пироги неклись, да не равно удались. Какъ тутъ прослѣдить: откуда пошло различіе? Силошь и рядомъ на одномъ и томъ же клочкѣ земли растутъ репей и бѣлена, макушка и горькая полынь, разрастается жгучая крапива и расцвѣтаетъ красивый цвѣтокъ. Вася съ малѣтства былъ мальчуганъ хилый и больной, — поневолѣ не могъ водой замузить, и всякаго шума и драки боялся пуще огня. Митюха росъ крѣпкимъ, здоровымъ молодцомъ, въ дракахъ не уступалъ ни одному смуринскому головорѣзу, самъ сдавалъ сдачи; никогда не задирая первый, онъ всегда отважно защищался и защищалъ брата. Его вліяніе на Василья было сильно: онъ часто выручалъ старшаго брата изъ бѣдъ и напастей, давалъ совѣты и указанія. Завадобится, примѣрно, въ полѣ Сивку изловить...

— Пособи, Митя! Онъ больно лягается! — кричить старшій братъ.

Является Митя, живо ловитъ Сивку, накидываетъ на него веревочный недоузокъ, вскакиваетъ на его жесткій хребетъ

и гонить въ деревню. Или опять, сошникъ у сохи порасхлябался.

— Митюха, насади! — зываетъ Василій.

Митюха тутъ, какъ тутъ: присвистнетъ, тряхнетъ своими темными волосиками, и сошникъ готовъ: не поворачишь, ровно прикованный. Такъ и во всемъ прочемъ...

Когда померъ отецъ, на плечахъ 18-тилѣтняго Митюхи весь домъ держался и, лишь благодаря ему, убогое хозяйство не валилось воице. Онъ распорядился и матерью, и старшимъ братомъ: тѣ слушались его, да, кажется, и рады были тому, что не имъ самимъ приходится распорядокъ вести. Митюха сноился и съ односельчанами, и съ начальствомъ, вѣдалъ подать и оброки, ходилъ на сходки и на сходкахъ научился говорить такъ, чтобы его все слушали и разумѣли. Когда Василью минуло 24 года, онъ женился: женѣ его сразу же захотѣлось хозяйничать и не любо ей было за все-про все смотреть изъ рукъ своего деверя. Конечно, у Агафьи не было настолько силенки и умѣнья, чтобы выихнуть, оттереть Митюху и вполне замѣнить его въ хозяйствѣ; но у ней были за то злые глазки, длинный бабій языкъ, колочій, какъ шиповникъ, и источникъ слезъ — что хляби небесныя. Дмитрій безъ особеннаго труда удержалъ бы за собой главенство въ семьѣ, не смотря на придирки и уколы любезной невѣстухи, не смотря на ся причитанья и намеки. Онъ не поддавался бы глупому гнѣву за то, что Агафья ему иной разъ за обѣдомъ ложки не подаетъ, а хлѣбъ рѣжетъ съ такимъ свирѣпымъ видомъ, ровно зарѣзаться хочеть. И то бы не бѣда, что братъ тоже подчасъ дуется, руку жены держитъ, хотя помалкиваетъ про себя. Все бы это для серьезнаго, стойкаго парня, какъ съ гуся вода, ежели бы только не стали приходиться ему въ голову мысли: — „да чего же мнѣ всю жизнь надрывать на брата да на его семью? Онъ живи самъ по себѣ, я — самъ по себѣ. Не хочу быть весь вѣкъ батракомъ, хочу быть самъ себѣ хозяиномъ!“ И вотъ, къ искренней радости невѣстки и къ сильному смущенію брата, Дмитрій объявилъ, что онъ уходитъ отъ нихъ, а затѣмъ, поклонъ да и вонъ. Послѣ его ухода, Васильевы дѣла пошли все хуже и хуже, хотя Дмитрій, чѣмъ могъ, помогалъ ему: суежалъ деньгами, не оставлялъ и совѣтомъ. Мать-старуха ругала Дмитрія за раздѣлъ, чуть не прокляла и не хотѣла видѣть его.

Дмитрій же живо построилъ себѣ избу, да маленькую кузницу на берегу Вожины,

подъ обрыномъ, и зажилъ важно. Съ печью оны самъ возился: хлѣбъ ставить приходила къ нему за малую плату со-сѣдка, старуха Федосья. Съ работами на подѣ оны управлялся ловко, благо по-сѣвъ-то былъ не великъ на $\frac{3}{4}$ десятины. Гвоздь его шель хорошо. Подати оны пла-тили исправно, и недоимокъ за нимъ было не слышать.

IV.

Думы, рѣчи и дѣла Кряжева.

Дмитрій прошелъ все село до конца и подошелъ къ своей избѣ. Избушка у него была крохотная—издали, ровню игрушка. Оны хотѣлъ, было, уже согнуться въ три погребели и войти, какъ вдругъ пріоста-новился, сѣлъ на ступеньки крыльца и облокотился на колъна, низко свѣсивъ на руки свою большую, взерошенную голову. Оны задумался. А чтобъ понять его думы, нужно еще кое съ чѣмъ познакомиться изъ его прошлаго.

Въ подуретѣ отъ Смурина на неболь-шомъ отлогомъ возвышеніи выглядывала изъ-за сада барская усадьба, выглядывасть она еще тамъ и понынѣ и прозывается Грайворошовымъ. До 19-го февраля Сму-рино принадлежало частью грайворошов-скому помѣщику — надворному совѣтнику и кавалеру многихъ орденовъ, Петру Игнатьевичу Водяницу; но непокоя въбка состоя на оброкѣ, Смурино ли барщины и никакихъ барскихъ придирокъ не знало. Господа рѣдко жили въ Грайворошовѣ, управляющаго не ставили, а усадьбой за-вѣдывалъ староста, одинъ изъ смуринцевъ же — нынѣ кулакъ, благополучно загре-бающій деньги мужицкими руками. Од-нажды, впрочемъ давненько, лѣтъ 20 тому назадъ, старые господа года три сряду изволили жить въ Грайворошовѣ, и Аку-линя, матери Кряжевыхъ, досталась честь питать своимъ молокомъ барскую дочку. Затѣмъ, какъ водится, кормилица появ-лялась въ барскомъ домѣ каждый разъ, какъ наѣзжали господа, и приносила своей питомицѣ деревенскихъ рогулекъ и ягодь, а маленькая Лиза дарила ей платки и всякую всячину. И Митя съ матерью, бы-вало, хаживалъ въ барскій домъ, не разъ разговаривалъ съ маленькой барышней, и маленькая барышня помнила корми-лицынова сына. Съ ея воспоминаніемъ о тѣ-пистомъ грайворошовскомъ садѣ всегда какъ-то связывалось и воспоминаніе о смугломъ, бойкомъ мальчуганѣ. Въ одинъ пріѣздъ барышня даже начала учить Митю грамотѣ, но ученье не далеко ушло,

потому что и сама-то госпожа въ ту пору только что дошла до ижицы. Но время идетъ, какъ вода льетъ: Лизавета Пет-ровна вышла замужъ, овдовѣла, старые господа умерли, крестьяне вышли на волю. А знакомство между помѣщицей и Кря-жевымъ поддерживалось.

По 25 году Кряжевъ научился у дьячка грамотѣ, что придало ему еще больше значенія въ глазахъ темныхъ смуринцевъ. Прочелъ оны анекдоты о Балакиревѣ и посмѣялся: потомъ попался Ермакъ, по-коритель Сибири,—и надоѣлъ до смерти. Но все эти книжки принесли ему ту не-сомнѣнную пользу, что оны по нимъ хоть научился писать: могъ составить письмо, при чемъ, конечно, о красотѣ почерка не могло быть и помину. Разъ досталъ оны отъ священника какой-то календарь съ рисунками машинъ и всякихъ земле-дѣльческихъ орудій и статей по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Это приложе-ніе съ рисунками такъ заняло Дмитрія, что оны дважды съ большимъ удоволь-ствіемъ прочелъ его. И чѣмъ болѣе читалъ оны, тѣмъ болѣе убѣждался, что и его голова можетъ кое-что понимать. Такое сознание его еще сильнѣе утвердило въ вѣрѣ въ его собственные силы, въ его умъ-разумъ.

Нѣсколько разъ побывалъ Дмитрій въ гу-бернскомъ городѣ, два года выжилъ въ Мо-сквѣ, справляя столярную работу. смуринцы видѣли въ немъ челоуѣка бывалаго и своего естественнаго ходака, хотя открыто первен-ства за нимъ никто не признавалъ. Гдѣ дѣй-ствительная сила, тамъ титулы не нужны. Для того, чтобы быть головой смуринцевъ, Кряжеву вовсе не для чего было имено-ваться сельскимъ старостой, писаремъ или волостнымъ старшиной. И Кряжевъ, дѣй-ствительно, горой всегда стоялъ за мѣръ и друзей своихъ не выдавалъ, а недругамъ въ иной разъ отъ него доставалось шибок. Закручь, кулачскій поселокъ, ненавидѣло Кряжева. На Смурина нынѣ слабыя головы, изъ страха, также держали сторону За-кручья, косились на Кряжева и старались избѣгать близкихъ сношеній съ „катор-жнымъ“, какъ звали его въ Закручьи. „Каторжнымъ“ закурьевскіе богачи поми-нутно тыкали въ глаза и корчили смурин-цевъ, приходившихъ къ нимъ съ гвоздями, а также позанимствоваться желѣзомъ, или другимъ чѣмъ, въ ожиданіи будущихъ благъ. Смурина на укору закурьевскихъ кула-ковъ только руками махали и божидились, что „Кряжевъ Митрей—имъ не указъ!“ Кряжевъ очень хорошо понималъ, что его со-сѣди на такія штуки пускаются вовсе

не по глупости и не по злобѣ, а потому, что они въ самомъ дѣлѣ между двухъ огней вертятся.

— Что тутъ подѣлаешь! Никто самъ себя не врагъ!—говаривалъ онъ про смиренныхъ смуринцевъ, отрешивавшихся отъ него передъ кулаками.—Знамо дѣло, неволя гонять въ Закручье!

А Закручью было за что не любить Кряжева: желѣзо онъ покупалъ въ городѣ, а не въ закручевскихъ складахъ; гвозди онъ продавалъ гуртомъ—въ годъ два или три—также въ городѣ. Дмитрій могъ „чудить этакъ“, потому что могъ закупать желѣзо не въ долгъ, а на чистыя деньги: при продажѣ могъ не навязывать свое издѣлье всякому встрѣчному и поперечному, могъ выждать. За то ему и перепало лишнее и на желѣзѣ, и на заработной платѣ. Ведя дѣла такимъ порядкомъ, бобыль можетъ со временемъ самъ капиталецъ скопить, да перебраться въ Закручье и подружиться съ тамошней жирной стаей. Однако Дмитрій не думалъ перебраться въ Закручье, хотя и шла молва, что у него въ кубышкѣ деньжонокъ—таки накопилось; но ихъ никто, кромѣ Кряжева, не считалъ, и сумма ихъ въ точности никому не была извѣстна. За то всѣмъ и въ Смуринѣ, и за Смуринымъ было извѣстно въ точности, что Дмитрій Кряжевъ зоветъ кулаковъ не иначе, какъ „Иудами“, говорить, что они бѣдный людъ обираютъ, что „надоть бы какъ ни на есть безъ нихъ изворачиваться“. Доходили эти неприятныя рѣчи до Закручья, иной разъ черезъ вторыя руки, а иной разъ такъ и прямо долетали до ушей, когда Кряжевъ говорилъ на улицѣ. Закручье волновалось, но подѣлать съ „каторжнымъ“ ничего не могло.

— Подъ него и комаръ носу не подточить,—толковали на Смуринѣ:—дожая башка, охъ, дожая!

Кряжевъ побивалъ закручевцевъ ихъ же оружіемъ, не вступая до сихъ поръ съ ними въ открытую вражду. Закручевцы здоровались съ нимъ при встрѣчѣ, и онъ хладнокровно толковалъ съ ними о томъ, о семъ, словно между ними и въ самомъ дѣлѣ никакой кошки не пробѣгало. Но особенно расходилось и разбушевало въ Закручье незадолго до начала нашего разсказа.

Угораздило какъ-то Кряжева, во время его пребывания въ городѣ, прослышать на постояломъ дворѣ отъ извощиковъ, что въ ихъ сторонѣ крестьяне такое товарищество завели, что другъ дружкѣ помогать стали.

— И идетъ у нихъ теперича это дѣло

любо-дорого!—хвастливо говорили извощики.

Такая хитрая штука поразила Дмитрія, и онъ за полночь протолковалъ съ извощиками. Лишній день пробылъ онъ въ городѣ, а все-таки раздобылся книжечкой, къ которой былъ приложенъ образецъ устава ссудо-сберегательнаго товарищества. Какъ драгоценность, записалъ онъ эту книжку за пазуху въ подшубокъ и, прѣхавъ домой на Смурино, нѣсколько вечеровъ сряду просидѣлъ за чтеніемъ. Прочелъ онъ книжку не однажды отъ корки до корки, все по ниточкѣ разобралъ, рассчиталъ и семь разъ примѣрилъ. Ему еще на постояломъ дворѣ, какъ онъ на лавку тамъ спать завалился, подумалось: „А для че бы и у насъ на Смуринѣ такую кассу не завести?“ Эта мысль, разъ забравшись ему въ голову, гвоздемъ засѣла въ ней. Теперь же, прочитавъ книжку, все сообразивъ и примѣривъ, Кряжевъ пришелъ къ тому, что „кассу надо безпремѣнно завести на Смуринѣ, потому это дѣло подходящее“. Не сразу, конечно, сказалъ онъ на деревнѣ о своей думушкѣ. Все побаивался: не оборваться бы съэтой кассой. Въ „товариществѣ“ Митюхѣ видѣлся именно тотъ кладъ, о которомъ ужъ онъ не разъ подумывалъ. Надо его вырыть и отвалить мужиковъ отъ Закручья.

Но вѣдь только сказка скоро сказывается, а дѣло не такъ-то скоро дѣлается. Много воды утекло прежде, чѣмъ Кряжевъ пришелъ къ твердому и ясному рѣшенію. Ходилъ онъ съ этой думушкой одинъ одинешенекъ; зайдетъ-ли онъ въ поле—и дума съ нимъ; пойдеть-ли въ дѣсъ за дровами—и дума съ нимъ; сидеть-ли въ кузницѣ у горна и сыплеть изъ подъ молота огненные брызги—и дума тутъ же. Ётукто, тяжело приходилось Кряжеву въ ту пору: книгъ нѣтъ, барыни нѣтъ, поговорить не съ кѣмъ. Ужъ ворочалъ онъ, ворочалъ свою думушку и такъ, и сякъ, и этакъ. Наконецъ мысль созрѣла, облеклась въ плоть и кровь и вылилась передъ смуринцами въ самомъ понятномъ для нихъ видѣ—въ видѣ копеекъ и рублей. Сначала качали головой, дакали, такали, вздыхали; потомъ начали у Дмитрія спрашивать, спрашивать и, наконецъ, увидавъ, что это ихъ ума дѣло, затолковали посмѣлье. Впрочемъ, толковали долго и, вѣроятно, протолковали бы еще дольше, если бы на этотъ разъ Грайвороново не протянуло наполеощъ Смурину своей бѣлой барской руки.

Знакомство Кряжева съ помѣщицей, какъ уже сказано, поддерживалось. Лизавета Петровна, видя въ Кряжевѣ мужика дѣятельнаго и смысленаго, морально обра-

щалась къ нему за нѣкоторыми указаніями и совѣтами по хозяйству. Такъ, Дмитрій, между прочимъ, переговаривался отъ ея имени съ крестьянами по поводу аренды земли, дѣлалъ для нея разныя закупки, мастерилъ ей кое-что по дому... Запрошлою осенью, по возвращеніи барыни въ Грайворовово, однажды вечеромъ, Дмитрій сидѣлъ въ ея рабочемъ кабинетѣ на полу и починивалъ у стула ножку. Тутъ ему впервые удалось заговорить съ барыней о кассѣ, о томъ, какъ бы ему хотѣлось устроить это дѣло, но дѣло стало за деньгами. Упомянулъ онъ и о томъ, какъ мѣшаютъ ему кулаки, какъ бьются они изъ всѣхъ силъ разстроить кассу. Лизавета Петровна до той поры видѣла въ Кряжевѣ лишь ловкаго малаго, способнаго на всѣ руки, и нерѣдко удивлялась его смѣливости. Но теперь, когда онъ, наклонившись надъ стуломъ и встряхивая своими густыми волосами, простыми, внятными языкомъ говорилъ о кассѣ, о мѣрѣ, о его нуждахъ, о кулаческихъ пропскахъ, барыня отложила книгу въ сторону и съ живѣйшимъ любопытствомъ, во всѣ глаза, смотрѣла на Кряжева. Ея молодое, красивое, симпатичное лицо разгорѣлось, и радостное удивленіе свѣтилось въ голубыхъ ея глазахъ, пристально устремленныхъ на рабочаго. Но чѣмъ долѣ говорилъ Кряжевъ, тѣмъ серьезнѣе, задумчивѣе дѣлалась молодая женщина, и когда наконецъ онъ кончилъ и, вставъ на ноги, отряхивалъ съ себя стружки и опилки, Лизавета Петровна пытливымъ взглядомъ смотрѣла на его мощную фигуру.

— Ну, теперь будетъ крѣпко,—молвилъ Кряжевъ, повертывая стулъ кругомъ на одной ножкѣ; но, глянувъ на барыню и види, что она о чемъ-то задумалась, поставилъ стулъ на мѣсто и тихо пошелъ къ двери.

— Дмитрій Михайлычъ, постойте!—вдругъ заговорила барыня.—А вѣдь это дѣло можно устроить! У меня есть теперь деньги, я могу вамъ дать, если хотите... Рублей 500, довольно будетъ?

— Пятъсотъ!—широко раскрывая отъ удивленія глаза, проговорилъ Кряжевъ, какъ бы вѣря и не вѣря своимъ ушамъ.— И 300 за глаза будетъ довольно... Вѣдь унасъ ужъ порядкомъ собрано...—Моихъ 200 дѣлковыхъ... Лисина тоже, да прочихъ...

И проговорилъ Кряжевъ съ барыней чуть не до слѣзу.

Все-таки прошло полгода прежде, чѣмъ смуринцы, въ числѣ 43 человекъ, порѣшили написать уставъ и послать его съ Кряжевымъ въ городъ. Уставъ сѣздитъ

въ Питеръ и, по утвержденіи, возвратился недѣлю тому назадъ во-свои. А на завтра въ селѣ Смуринѣ назначено было торжественное открытіе ссудо-сберегательнаго товарищества. За всѣми этими хлопотами прошло съ годъ времени,—значить, Кряжеву пришлось долгонько ждать.

Завтра—Николы вешняго! Завтра откроется, наконецъ, касса, и закручевскіе кулаки изрыгнутъ на Кряжева свое последнее проклятіе. Понятно, почему Дмитрій такъ долго сидѣлъ въ ту ночь подъ навѣсомъ своего крыльца. Вотъ запѣли на деревнѣ пѣтухи. Кряжевъ поднялъ голову и глянулъ на поле. Поле тонуло въ спневатомъ сумракѣ; бѣлосоватая роса стлалась по землѣ. Темное небо горѣло яркими огнями, и было въ немъ тихо, какъ и на землѣ, въ этотъ тихій, полудночный часъ. Не совсемъ-то спокойно было въ душѣ Кряжева. По ту сторону Вожицы, какъ блѣдые призраки, возставали передъ нимъ въ полусумракѣ новыя хоромы, съ тесовыми кровлями, съ разукрашенными ставнями. Ихъ свѣтлыя окна, словно подмигивали Кряжеву, насмѣхались надъ нимъ и, словно хотѣли промолвить: „человѣче, человѣче! Напрасно ты эту игру завелъ съ нами! Вишь, какія мы крѣпкія! Не обману-рься, гляди! Лба себѣ не разбей!“

V.

Никола вешній.

Денекъ выдался красный. Солнце ясно взошло надъ Смуринымъ, и въ синемъ небѣ не видать было ни одного облачка. Въ урочный часъ пробрелъ церковный сторожъ, стуча ключами, и полѣзъ на колокольню, вслугивая мимоходомъ приютившихся тамъ галокъ. Въ урочный часъ раздался надъ смуринскимъ приходомъ первый ударъ колокола, звавшего къ заутрени. Мѣрно и ровно гудѣлъ колоколъ въ свѣжемъ, утреннемъ воздухѣ, и гудѣлъ не напрасно. По всѣмъ проселочнымъ дорогамъ и тропинкамъ, по полямъ и перелѣскамъ, по направленію къ Смурину, двигались по одиночкѣ и толпами крестьяне, бабы, нарни и дѣвки. Придумались для праздника деревенскіе люди, попригладили взъерошенные волосы, а на плеча себѣ натянули самую нарядную одежду. Вездѣ мелькали пестрые платки и красныя рубахи. Зажиточный, богатый людъ катилъ въ телѣгахъ на крѣпкихъ рысистыхъ лошадакахъ, сѣрой пылью обдавая нарядныхъ пѣшеходовъ. А пѣшеходы кланялись въ слѣдъ телѣгамъ...